

Яков Варкентин

~~Это было, было, было...~~
Прости, отец

В 1979 году, услышав о том, как в Колпашеве природа явила миру следы массового убийства, я поспешил туда. Вымытую винтами теплоходов нишу в стене обрыва уже успели оградить с суши высоким сплошным забором. Может, здесь похоронен прах моего отца? Бросил я через забор горсть земли и сказал свое сыновье "прости". Прости, что мы, ослепленные ложью дети твои, отреклись от тебя. С той мартовской ночи 38-го и до апрельского светлого дня 56-го...

Впечатления той ночи и оставили в памяти навечно запечатленным облик отца. Он разбудил нас, пятерых сыновей, самый старший учился в пятом классе, шестая - сестренка - родилась через несколько месяцев. Горела на столе лампа. В ночной сорочке на кровати плакала мать. Отец, уже одетый, целовал нас, при этом говорил: "Вы уж тут слушайте мать!" В махонькой нашей избушке меж кроватей на полу валялись книги, по ним топтались какие-то два человека в форме. И мать укоряла их: "Что вы делаете? Разве можно книги топтать? Грех это". Врезалось в память лицо третьего, приплюснутое к стеклу окна с улицы. Уже на пороге отец сказал: "Успокойся, Елена. Я скоро вернусь. Разберутся, что я ни в чем не виноват". Хлопнула дверь - и отец исчез навсегда, оставив в доме зловещее, невидимое и неотступное присутствие имени "враг народа", к которому вскоре добавилось - "немец".

Воспитанные в строгом послушании старшим, мы особенно чутко впитывали все, что вкладывала в ум и душу школа. Плакали над книжкой о Павлике Морозове, и образ его ^{отца} переносили на своего. Когда однажды мать, отчаявшаяся, измученная голодом и нашими болезнями — цингой, малярией — произнесла вслух: "Сталин страшнее Гитлера, тот чужих убивает, а этот своих лучших со свету скил", — мы впервые восстали против нее: "За этим хочешь?"

Во втором классе меня принимали в пионеры. "Кто твой отец?" "Мой отец Сталин, а дедушка — Ленин", — отвечивал я по наущению учительницы. И был принят. Правда, в четвертом классе я на районную выставку нарисовал портреты Ленина и Сталина, вернее, срисовал по клеточкам. Потом в кабинете директора школы меня "разоблачали": как посмел рисовать вождей? Кто разрешил? Да тем паче в клетку поместил портреты на книжной странице! Надо еще с матерью разобраться...

Читать и писать у нас в семье все начинали рано. В начальных классах был у нас недобор, поэтому наша старенькая Наталья Петровна вела сразу и первый, и третий классы. Она и пересадила меня к третьеклассникам, "чтоб не лодырничал". Так я отличником кончил сразу третий класс. Директор, получив на подпись табель, отчитал нашу учительницу: "Вы что, хотите доказать, что немец способнее русских? Как вас примут родители и в районе?" Получил я табель только за первый класс. То же повторилось и после окончания второго вместе с четвертым. Следующие два года, повторяя "курс", я откровенно бездельничал. Мать и слова не могла замолвить.

Незадолго до окончания нашей Новоселовской семилетки меня, круглого отличника, принимают в комсомол. Рекомендацию дала секретарь парторганизации школы, наш классный руководитель Алек-

сандра Алексеевна Лашевич. Едем с ней на утверждение в Колпашево. По раскисшей дороге тянет лошадка тарантайку. Душа прет: я буду комсомольцем, как Павка Корчагин! Как молодогвардейцы Краснозна!

В кабинет бюро райкома захожу первым. "Кто твой отец?" - "Враг народа." - "Выйди отсюда!" - Далее сквозь двери слышу, как кричат на Александру Алексеевну: "Вы еще фашиста в комсомол притащите! Учителя совсем бдительность потеряли!"

- Пойдем, Яна, отсюда, здесь правды нет, - сквозь слезы сказала Александра Алексеевна, выйдя из того кабинета. Потом, долгой дорогой, она внушала мне: - Главное, ты верь. Правда еще придет. Не поддавайся и не делай поступков против совести. Будь выше всей этой лжи.

Спасибо тебе, милый учитель. С той поры я усвоил урок и научился забывать несправедные обиды, считать их ^{всего лишь} временной помехой. Страх, паутиной спутывавший сознание, можно было отбрасывать, как паутину, что липнет в лесу на глаза. Это пригодилось в жизни.

Я принят без экзаменов в Колпашевское педучилище. Живу в общехитии. Месяца через полтора, в день шестнадцатилетия, получаю вызов в Извасселовскую комендатуру. Прибыл, сижу в очереди. К столу коменданта на костылях подходит инвалид войны (в Извасселове был тогда дом инвалидов). Комендант зрет: "Почему опоздал отмечаться?" Тот ответил грубостью. Комендант достает пистолет. В мгновение ока посетитель (судя по лицу - из крымских татар) костылем выбивает пистолет, подхватывает его и направляет на коменданта:

✓ Я таких фашистов на фронте без жалости убивал. Лезь под стол!

- Ты ответишь!

- Лезь, говорю! У меня рука не дрогнет. Ну! - и комендант

спускается под стол.

- Теперь дай по-собачьи!

Командант издает что-то похожее на тавканье, инвалид бросает ему пистолет со словами: "Пусть теперь все знают, что ты собака!" Больше этого инвалида в Новоселове не видели...

Теперь прием пошел быстро. Мне командант кинул лишь один укор - почему без его разрешения погулял в педучилище? И дал заполнить первую в моей жизни расписку (помню наизусть): "Я такой-то, сын врага народа, по национальности немец, даю настоящую подписку в том, что обязуюсь проживать по адресу такому-то, и в случае побега из данного населенного пункта получу 25 лет каторги. О чем предупрежден таким-то отделом НКВД. Личная подпись." Побегам считалось почему-то шесть километров. А от Колпашева до Новоселова, до материнского дома - 15 километров, дистанция побега. И если на выходной надо сбежать домой, то иди на дальний конец города в отдел НКВД, протрой час-два в очереди к команданту, чтоб выдал письменное разрешение. И однажды чуть не "сгорел".

На втором курсе между экзаменами три дня, отведенных на подготовку, провел дома. Помог на корове привезти дров и сена. Вернулся, на экзамене по математике беру билет и уже собирался отвечать, как вызвали к директору.

- Я тебя исключаю из училища. Ты нарушил режим НКВД. Тебя вызывают в комендатуру, чтоб арестовать.

Помню, с отчаяния нагрубил я впервые в жизни педагогу, директору, мол, хоть и носите боевые награды, а трусили больше моего. Хлопнув дверь, пошел.

Командант Мурзин "был человеком", как говорили его подопечные. Отстояв обязательную очередь к нему, захожу в кабинет.

- Поступило сообщение, что ты совершил побег, - в голосе коменданта нет и намека на шутку. Тут меня и прорвало в истерику:

- Вас мать родная проклянет, если вы когда-нибудь ^Котажетесь ей помочь, испугавшись ареста. Можете сажать, только дайте сначала хотя бы экзамен сдать.

- Не бузи. Какой экзамен сдаете?

- По математике.

- А ты в ней влюблешься? Я ведь тоже заочно в педучилище учусь, только в математике ни бум-бум. Может, подмогнешь разобраться в геометрии?

Он закрыл дверь изнутри на замок (посетители подождут!), и мы часов пять штудировали учебник. Вернувшись в училище, на доске приказов прочел выписку: "За нарушение режима НКВД исключен из училища". Увидев меня целым и невредимым, директор заменил исключение на строгий выговор.

Мурзин в тот раз в виде "госрара" выдал мне разрешение посещать родных в Новоселове по выходным дням. Далекое не все коменданты позволяли себе такую человечность. Их подолгу не держали на одном отделении, чтобы паче чаяния не обросли "кумовством". Только в Новоселове на моей памяти сменились Карев (перед войной), Валентинск, Макаров (в годы войны), Ильященко, если верно запомнил его фамилию, были еще. Но особенно эдизной была фигура коменданта Воробьева. Этот Воробьев мог на несколько суток посадить в холодное помещение пожарки многодетную мать-единичку, жену врага народа, выколачивая таким способом подписку на тройной месячный заработок по займу. Его руками, говорили, угроблены сотни ни в чем неповинных людей. Разъезжая по деревням, вымогали подробные пьяницы угощения, и не приведи Бог отказать. Малограмотные, грубые палачи были в почете среди работников НКВД.

Воробьев, однажды переозчевав пьяным в снегу под забором, через несколько дней умер. Хоронили его в Колпашеве с геройскими почестями, с оркестром, салютом из винтовок, согнав массу народа. Был и я на тех похоронах, слышал в толпе тихие шепотки: "Зверь. И одох, как собака, под забором. На кровушке людской медали зарабатывал". Даже мертвому не было прощения.

В почете были доносы, причем стукачами становились отнюдь не "по призванию". Одним из приемов "разоблачения" был такой. Ночью в дом председателя колхоза приезжали втроем работники НКВД, иногда захватывали с собой председателя сельсовета. "У тебя в колхозе работают пятеро врагов народа. Ты почему их покрываешь?" — "Что вы, я не знаю таких, все надежные люди." — "Значит, первым будешь ты". И тогда "прорезывается" память председателя, тут же сочиняются доносы. Далее остается формальность — ехать по дворам и собирать "план".

Обвинить можно во всем. Моего отца ~~никогда~~ первый раз пытались привлечь летом 37-го по такому поводу. Выходы картошки на артельном поле замыло дождем и образовалась почвенная корка. Отец, крестьянин умелый, предложил выходы проборонить, что в Сибири не делалось никогда. За "умышленное вредительство" и потянули в НКВД. Отцу удалось отделаться аргументами: "Арестуйте меня осенью, если картошка вырастет хуже, чем в соседнем колхозе". Осенью артель завалилась картошкой, что не знали куда девать, а соседи едва семена собрали. Так урожай и спас отца. Но не надолго. В ноябре случился пожар на артельной конюшне. Спасая лошадей, отец получил ожоги. Я видел его "дело". Малограмотная анкетка сообщает, что "конюшню поджег Варкентин Б.Б., а чтобы скрыть вражескую сучиость, спасал лошадей".

Все. Ни слова более. И на маленькѣй полоске бумаги: "Я, врач, констатирую смерть Варкентина", 1938 г." Какая-то закорючка венчает "документ". Для акта убийства не потребовалось даже решения "трѣйки".

Как производились эти убийства, мне рассказал комендант Среднего Васюгана Иван Иванович Ярославцев, в апреле 1956 года, когда вручал посмертную реабилитацию на отца. Расписываться, что "не сбежал", я ходил к нему с августа 1953 года, после приезда сюда на работу воспитателем детского дома по окончании педучилища. Так вот, впервые разговаривая со мной на равных, Иван Иванович достал из стола бутылку водки, предложил тост за свободу, и повел рассказ о своей молодости, отданной службе в НКВД города Колпашево.

- Этапы арестованных забивали до отказа и тюрьму, и сарай НКВД. Кто послабее, умирали тут же. Ночами уводили расстреливать в сенокосы между Тогуром и Колпашево. Однажды было приказано разрядить обстановку без лишнего шума, расстрелы в лесу стали привлекать людей, особенно жен арестованных, они караулили ночами в лесу. Так вот, в тот раз мы погрузили большую ^{человек 500} группу в три баржи. На барже привозили известняк, он был выгружен на берегу. Мы приказали каждому взять по камню, положить на палубе. Ни с чем эти бедняги не догадывались. Трех набили людьми битком. Потом буксир отвел баржу ниже по течению километров на 18-20. Баржу поставили на якорь. Выводили мы партиями из трома, выдавали по куску веревки каждому, сами они привязывали камень на шею. Конечно, уже тут догадывались, что ожидает, но сопротивление было бесполезно, в партии выводили по одному на конвоира. Винтовка нам выдали со штыками. Выстраивали их вдоль борта, лицом к реке и колзали штыком. Еще живые, они падали в реку и тонули. Долго длилась эта расправа в тишине, ино-

гда разве кто-то крикнет... Некоторых конвертов-новичков рвало. Устали мы крепко. Нас предупредили: кто сбьтнет, сам будет там же. Понимали...

Оставшись не у дел, Ярославцев впоследствии опился, повторив ¹⁹⁷ многих работников НКВД сталинского времени. Сам они жили под вечным страхом, особенно после разоблачения Берии. Думаю, что понимали, в какую грязную войну против своего народа они втянуты, в войну, из которой вырваться уже не могли, система в таких случаях готвила им смерть в тех же стенах. Но та же система превращала в мученика любого сотрудника НКВД, если он становился жертвой сопротивления. Так родился миф о гибели от рук злобных врагов коменданта Никитина на Васыгане. Мне довелось разговаривать с живыми свидетелями. Долгое время Никитин безнаказанно насиловал девушек, не опасаясь суда. Но одной из них удалось вырвать у насильника пистолет и защитить свою честь его же оружием. Это этого события откликнулось многими новыми жертвами "врагов из контрреволюционной банды". Выходили книги с легендой о героической гибели чекиста, развенчать которые вслух значило тогда подписать себе смертный приговор.

...Всякий раз, бывая в родной деревне Новоселово, прихожу на кладбище. Все меньше остается старых крестов со знакомыми фамилиями. Обозвильсь, разрозлось село. Обозвильсь и последнее пристанище его жителей. Никак не найду могилки Филиппа Санникова. Избушка, срубленная им в 32-м году, стоит, как была, против нашей бывшей усадьбы. Его "брали" немногим раньше нашего отца. В 1940-м он вернулся смертельно больным. Ни слова не добились от него, так и умер, унеса в могилу тайну - что видел, где был и что пережил. Мать моя завидовала соседке: хоть в доме родном, при детях заплакан, родными и соседями схоронен человек. Да не

будет кошунственной эта зависть женщины, лишенной даже этого успокоения души своей.

В семье Клевцовых старший отец тоже умер дома, придя из заключения не в полном рассудке. Отец моего товарища Витьки Ленинга (мы эту фамилию переделывали в Ленина), кажется, тоже умер дома. Но остальные исчезли бесследно. В одну ночь с отцом взяли Георгия Ивановича ^{Николаевича} ~~Ильмова~~, колхозного бухгалтера, Ивана Андреевича Заугольникова и Владимира Николаевича Никольского, учителей школы. Вместе с Никольским арестовали и его отца. В те же 37-38 годы исчезли Веревчников, Фаст, Классен, Беше. В годы войны арестовали Николая Марковича Семенца и его дочь Веру. Вера после лагерей, после лесоповалов осталась жива. В 33-м арестовали Мыскова, два сына его, Антон и Тихон, сложили головы на фронтах Великой Отечественной, третий, Семен Андреевич, жив и вместе с супругой Анастасией Васильевной готовится отметить золотую свадьбу.

Из особенной теплоты в душе отзывается память о покоящихся под четырьмя надгробьями в просторной оградке Елене Ивановне Беше Маргарите и Агате Беше, Елене Ивановне Классен, матери и трех дочерях.

...Мы дружили семьями. Сплотила общая судьба, одна национальность, родной язык. Да и взгляды на жизнь, на культуру, на воспитание детей были общими. Никогда не забудутся наши праздники у семейной елки со свечами. Мы, младшие, рассказывали стихи. Взрослые пели, перемежая русские песни с немецкими. У сестер Елены, Агаты и Маргариты, да и у бабушки Лены и моей матери, тоже Лены, были и слух, и голос. Агата неплохо играла на гитаре. Вина у нас не признавали. Все невзгоды в такие вечера уходили из дома. Никаких тайн и недомолвок не оставалось в наших

семьях, судьба каждой была на виду.

Жили Бесе недалеко от Мелитополя, в селе Лацком. Крестьянство ввали умело, добротное, как все немцы. Поэтому и крестьянский дом их семьи не ведал нищеты. Глава семьи Иван Давыдович был ярким сторонником кооперации крестьянских хозяйств, первым вступил в конце 20-х в товарищество по совместной обработке земли. Но когда началась принудительная коллективизация, товарищество стали задавливать непомерными налогами. В 30-м году Ивана Давыдовича под конвоем ^{осылают} ~~посылают~~ на стройки "в места не столь отдаленные". Елена Ивановна с шестью дочерьми решила ехать с мужем. Тогда их вместе отправляют в Сибирь. Не дождавшись отъезда хозяев, пьяницы из колхоза разорили усадьбу, поделили имущество, последние полпуда пшеницы не дали взять в дорогу, одна из пьяных женщин-колхозовок, сняла прямо с воза, самогон, мол не из чего будет выгнать.

Скотский вагон, несколько недель мучений среди больных, в тесноте, лишь раз в сутки можно было взять кипяток на станции. В Томске умерли три дочери, мать без памяти в тифу. Трупы дочерей увезли куда-то на телеге. Потом на барже семью вместе с другими привезли в Колпашево. Тифозную мать не пустили даже в барак еле уговорили хозяев поселить временно в амбар. Дочери, эклемевавшись от болезни, пошли в домработницы. В 33-м снова грузят на баржу и везут по Кети в Палочку, поселок спецпереселенцев. Лена, старшая дочь, работает пекарем, младшие учатся в школе. Одсдели русский язык, стали отличницами.

В 35-м году пришло известие, что их сослали незаконно и могут они вернуться на прежнее место жительства. Однако комендант ответил кратко: "И в Сибири проживете". Но пославление кое-какой допустил. Ивану Давыдовичу разрешили работать санитаром Колпа-

шевской ветстанции, где врачом работал будущий муж Елены Генрих Абрамович Классен. Рита с Агатой остались в Цалочке, закончили школу и начали работать учительницами начальных классов. Семья же переехала в Колпашево, по-маленьку налаживался быт, у Елены с Генрихом родилась дочка Лена, а потом и сын Гена.

Не помнят они ни отца, ни дедушки. В феврале ночью арестовали Ивана Давыдовича — 38-й начался с тех же повальных арестов, что и ушедший 37-й. Елена Ивановна оббивает пороги начальников, пишет ходатайства. В апреле ей дают справку, что муж подлежит освобождению. В НКВД ее уже не пускают на порог, но муж домой не является. Много лет спустя выяснилось, что И.Д.Безе был расстрелян еще в феврале, и та справка была обманом.

Ровно через четыре месяца постучались в дверь снова, на этот раз увели в небытие Генриха Абрамовича. По намекам в НКВД жена его поняла, что причиной ареста будто-бы послужило заболевание скота в какой-то деревне. Ветврач Г.А.Классен заразил... Семья осталась без единственного мужчины, если не считать родившегося после ареста отца Геннадия. Тогда и переехали Классены-Безе в Новоселово, поближе к нашей семье, чтобы вместе легче было горевать.

Шла война. И новой, не менее страшной войной обезмужичила большинство семей крестьян-спецпереселенцев. Всевали они достойно, простив Родине обиды. Погибали на фронтах мужья и сыновья, а жены и матери на лабедке да картошке, не жалуясь на тяготы, кормили армию, растили детей. Новоселовская артель "Объединение" перешла на выпуск лыж, место мужчин у верстаков заняли женщины. Елена Ивановна Классен с той поры была бригадиром станочного цеха, до самой пенсии. Моя мать тоже прошла через все мужские работы.

Злой рок и в послевоенное время не желал оставить в покое семью Безе. Агату и Маргариту по сей день помнят их ученики и коллеги как замечательных учителей. Им дозволили, наконец, рабствовать в Колпашево, проявить сполна природный талант и любовь к детям. Но летом 1951 года, возвращаясь с поезда, утонули на переправе. Лодка оказалась на другой стороне, одна из сестер рискнула сплывать за ней, но стала тонуть, вторая бросилась спасать, не задумываясь о том, что не умеет плавать. Неразлучные сестры и в смерти были неразлучны. А вскоре на рыбалке утонул молодой муж Лены, дочери Елены Ивановны и внучки Ивана Давыдовича. Осталась молодая мама с тремя сыновьями-малышами. Горе ускорило смерть бабушки Безе. А Е.И.Классен дожила до внуков, но вслед за моей матерью тоже ушла в мир иной. Обе умерли "на ходу" от разрыва сердца.

Но крепок, видно, крестьянский корень, до конца извести его не может никакой злой рок. Елена Генриховна Безе сама теперь бабушка шестерых внучат. У Геннадия Генриховича три сына и дочь, четверо внуков...

О них думаю, вновь ятсья на кромке яра... Нет, не ради мести, а ради возвращения им, нам всем, обществу нашему человеческого облика, уважения к жизни каждого, ради милосердия и правды надо вспоминать о том, что с нами происходило. И, ужаснувшись, перестроить душу, стать людьми, а не рабами.